

Редко кто из поэтов патриотического направления избежал в своем творчестве внутреннего диалога с одним из самых харизматичных русских поэтов, ставшим для нескольких литературных поколений символом непримиримости к подделкам под русскую литературу. Я говорю о Станиславе Юрьевиче Куняеве. Он – человек-эпоха, сколь высокая и великая в своих лирических прозрениях, столь же горькая в прозрениях публицистических. Совсем недавно, читая присланную мне книгу избранных стихотворений замечательного сибирского поэта Василия Козлова «Гончарный круг», вышедшую в далеком от Москвы Иркутске, я наткнулся на посвящение Станиславу Куняеву:

Хотел сказать: «Мы целым миром правим, //А вас дожать не стоит ничего...» //Сказал: «И все равно мы вас задавим!..» //Но испугался слова своего. //И посмотрел глазами спаниеля, //Вокруг зрачков блестяела кровь веков... //Мели, Емеля, знать, твоя неделя – //Я выслушаю без обиняков. //Там, на Синае, в огненной пустыне, //Тельца разрушил грозный Моисей, //Но в темных душах он живет поныне, //Рождая бред сомнительных идей. //И никогда наш спор не разрешить, //Продлится он за дьявольским туманом. //Кровавого инстинкта не изжить //Ни подкупом, ни лестью, ни обманом. //Мы ждем врагов на наших рубежах, //Нам есть с кем поделиться вящей славой. //Вам остается ненависть и страх – //И вечный плач, неверный и лукавый.

Может, и не стоило, говоря о Куняеве, говорить о ком-то еще, слишком уж значима эта творческая величина. Но так уж получилось символично, что почти одновременно с книгой Василия Козлова я стал обладателем пламенной публицистической книги Станислава Куняева «К предательству таинственная страсть...». Тысячи километров между Москвой и Иркутском, а так символически сложилось, что оба автора говорят об этой вечной интеллигентской склонности к предательству! Настолько вечной, что уже говоря интеллигент, подразумеваем либерал и как следствие предатель.

Василий Козлов посвятил интеллигенции цикл стихотворений в своей книге, несколько строк из одного стихотворения я хотел бы процитировать:

Предпочитая чуждые народы //И мудро презирая свой народ, //На перекрестке зоны и свободы //Поет интеллигенция, поет...

Как говорится, пой, ласточка, пой, мир дышит весной. А весна – это оттепель, а оттепель – это по сути грязь. Не зря один из царей говорил: «Россию надо подморозить!»... Станислав Юрьевич Куняев посвятил продажности интеллигенции горькие главы-эссе своей литературоведческой публицистической книги, осмысливая путь падения творчества в бездну сиюминутной материальной выгоды, а по сути продажи творческого первородства на сытную чечевичную похлебку. Эта книга нужна вовсе не тем, о ком и на примере чьего жизненного пути она написана. Им, как говорится, уже не помочь. Она написана для будущего, это книга-предостережение

молодым небесталанным авторам о том, что будет, если творческое первое родство ставить ниже чечевицы.

В наши дни военной спецоперации либеральная интеллигенция проявила себя во всей красе, кинувшись спасать от русской угрозы столь обожаемую Европу, частью которой якобы является бывшая советская республика Украина. Посмотришь и вспомнишь классика: «Чем либеральней, тем они пошлей». То бьются в истерике, что им стыдно быть русскими, хотя приглядеться, так по национальности, за редким исключением, ни разу не русские. То призывают за мир, а на деле за замалчиваемую трагедию фашистского расчеловечивания русских людей, виноватых лишь в том, что они живут на Украине.

Вечная оглядка на заморскую «княгиню Марью Алексевну», не понятная русскому поэту, пишущему для своего народа, привела в итоге к творческому краху не одного западно ориентированного литературного поколения. Читаешь книгу «К предательству таинственная страсть...» и все больше укрепляешься во мнении: она написана как бы на вырост нам, читателям.

С грустью порой думаю, что ведь эта книга, только фамилии будут в ней меняться, останется надолго актуальной для литературы России. Не секрет, что последние десятилетия у нас волеизъявлением постсоветской власти всячески стараются вытравить из литературы всякий намек на социальность. Во главу угла поставлено личное, некое «самовыражение автора». То есть сводится общественное до частного в то время, как главная задача русской литературы еще со времен бессмертной классики была прямо противоположная.

Наши классики учили читателя видеть в частном общественное, в трагедии «маленького человека» трагедию огромного количества людей. Вспоминаются слова классика аварской литературы Гамзата Цадасы, сказавшему сыну, будущему известному аварскому поэту Расулу Гамзатову, на тот момент еще начинающему автору: «Если ты поэт, то ты должен чувствовать и видеть так, как чувствует и видит твой народ». Народность литературы. Забытое ныне словосочетание! А ведь от него еще во времена, когда о народности не говорил лишь немой, были безнадежно далеки персонажи книги Станислава Куняева, чьи имена прекрасно нам известны – Окуджава, Вознесенский, Евтушенко, Галич и прочие «дети Арбата».

Вроде и немало книг по истории литературы XX века я прочитал, но признаюсь, что многие факты о жизни и творчестве этих писателей, изложенные в книге, потрясают своим цинизмом. И совсем иначе начинаешь смотреть на тех, кто считал себя шестидесятниками и «дворянами арбатского двора». Понимаешь, но за пределами московского Садового кольца эти люди, позиционировавшие себя русскими писателями, не делили и не желали видеть.

Книга пронизана не только обличительной горечью, но и грустным осознанием того, как порой разводит по враждебным лагерям вчерашних коллег и даже приятелей разное отношение к России. Вроде бы очевидно, что однажды пишущий человек непременно понимает, что литература сама по себе, оторванная от духа народного и любви к народу, становится пустым словоблудием, которое не спасут никакие красивые слова, модные ритмы, оригинальные рифмы.

Советское время, о котором сейчас все мы так или иначе ностальгируем, и писатели не исключение, конечно, было временем расцвета любви

народа к литературе. Тиражи книг исчислялись сотнями тысяч, писатели были властителями дум миллионов сограждан, книги были в дефиците, поэтические сборники расхватывались с полок книжных магазинов в считанные часы... Но не будем забывать, что литература была не только инструментом осмысления жизни, но и частью официальной советской идеологии. То есть были запретные темы, которые советским литератором поднимать в своем творчестве было нежелательно. Скажешь правду о нищете русской деревне – вмиг тебе припишут очернительство со всеми вытекающими...

Тем не менее русские поэты, призывая на помощь весь свой художественный дар и Эзопов язык, все равно старались донести до читателя правду. Прорывались сквозь запреты цензуры пронзительными строчками и стихами, а в это время либеральные писатели, дети XX съезда и прочих оттепелей, всеми силами налаживали как умели (об этом есть немало горьких страниц в книге) связи с боготворимым ими Западом. За редким исключением ориентированные на «общемировую культуру» жили по столицам, то писали оды Ленину, то ехали на поэтические фестивали за границу, где, ясное дело, оды Ленину предпочитали не читать. И словно бы параллельно, своей жизнью, жизнью народа, для которого творили, жили по провинциям Николай Рубцов и Василий Белов, Валентин Распутин и Евгений Носов, Виктор Астафьев и Николай Палькин... Словно некая высшая сила не пускала их в столицу, где собирали шумные толпы в Политехническом музее и на стадионах их столичные коллеги, частые гости на радио и телевидении. И так эти две ветви литературы – русская по духу и русскоязычная подделка – жили параллельно друг другу, практически не пересекаясь.

Феномен Станислава Куняева заслуживает отдельного внимания. Волею судьбы и силой характера парнишка из калужской провинции жил географически рядом с избранной кастой шестидесятников. Был уважаем ими, хотя порой и ненавидим. При этом остался собой, не изменив русской глубинке и написав именно о ней лучшие свои стихотворения. А лучшие его стихи были все о ней, о России:

*Непонятно, как можно покинуть //Эту землю и эту страну, //
Душу вывернуть, память отринуть, //И любовь позабыть, и войну. //
Нет, не то чтобы я образцовый //Гражданин или там патриот – //
Просто призрачный сад на Садовой, //Бор сосновый да сумрак лиловый,
//Темный берег да шрам пустяковый – //Это все лишь со мною уйдёт.
//Все, что было отмечено сердцем, //Ни за что не подвластно уму. //
Кто-то скажет: «А Курбский? А Герцен?» – //Все едино я вас не пойму.
//Я люблю эту кровную участь, //От которой сжимается грудь. //Даже
здесь бессловесностью мучусь, //А не то чтобы там где-нибудь. //Синий
холод осеннего неба //Столько раз растворялся в крови, //Не оставил в
ней места для гнева – //Лишь для горечи и для любви.*

Вот этой, процитируем стихи, горечью и любовью, а вовсе не гневом, продиктована книга «К предательству таинственная страсть...». Любовью к родному русскому простору и горечью от того, что не все твои коллеги, хотя именуются русскими писателями, разделяют эту любовь. Географически Станислав Куняев был столичным писателем. Но духовно и душевно он как был в юности, так и остался певцом и печальником русской глубинки, за что ему периодически приходилось выдерживать дружный натиск либеральных столичных писателей. Сильный характер и корневой

русский талант помогал Станиславу Юрьевичу успешно воевать за русское слово и русский дух на московской территории.

В одной из книг он написал о том, что идеологические оппоненты дивились его мужеству и стойкости, ведь противостоять очередному дружному либеральному наскоку ему приходилось порой практически в одиночку. А разгадка непобедимости Куняева, лежавшая на поверхности, была им с их отношением к России неведома. Когда ему становилось невольно от столичной жизни, он уезжал в свою родную Калугу и там, на малой родине, набирался от родной земли сил для будущих литературных баталий. Пока ещё были живы его друзья-соратники Вадим Кожинов, Анатолий Передреев, Юрий Кузнецов, думаю, Станислав Куняев не столь ощущал свою одинокость в среде, где ему выпало жить и работать. Однако и с уходом из жизни единомышленников Станислав Юрьевич не утратил боевого духа, который одинаково блистательно проявлялся и в его стихотворениях, и в публицистике, и в подвижнической работе главного редактора лучшего литературного журнала России «Наш современник», верно пушкинским заветам.

Книга «К предательству таинственная страсть» уникальна тем, что ее автор, несмотря на то, что он выдающийся поэт, а поэты, как известно, люди эмоциональные, в этой книге предстает бесстрастным и бесстрашным осмыслителем эпохи. Неуклонное стремление быть объективным по отношению к тем, о ком написана книга, сильно выделяет ее из череды множества документально-публицистической мемуаристики. Такая, как правило, отмечена печатью вкусовщины и имеет привкус сведения счетов. Куняев стремится быть предельно холоден и объективен вне зависимости от того, симпатичен ли ему лично человек, о котором идет речь, или симпатии своими какими-то поступками не вызывает.

Думаю, для многих, кто и сегодня нет-нет да и ностальгически взгрустнет по временам шестидесятников, такая книга станет откровением. Заставит на многое посмотреть иначе, переосмыслить свои взгляды. А без такого переосмысления не будет у России, у нас не будет будущего. Если мы будем считать предательство и презрение к Родине нормой, какое может быть будущее? Пока мы вполне себе спокойно относимся ко всем этим «детям Арбата», «детям оттепели», насельниками «Дома на Набережной», «детям XX партсъезда», мы пребываем в иллюзии, что это русские, а вовсе не русскоязычные писатели. Забываем о том, что их главным желанием была вовсе не любовь народная, а любовь узкой прослойки таких же «богоизбранных» и желание стать гражданами мира. На какие только ухищрения они во имя этого ни шли – почитайте в этой книге, вас ждут не очень приятные, но нужные открытия. Когда уж тут о народе русском было им думать? Для того «мужичье» Рубцов да Распутин, и прочие им подобные есть...

Об объективности этой книги, стремлении максимально понять такое явление, как шестидесятничество и его корни, наиболее показательны говорят эссе о Борисе Слуцком, Игоре Шкляревском – писателях, к которым Станислав Куняев не скрывает своей приязни, потому что с этими людьми его связывали годы если не дружбы, то дружества.

Совершенно согласен со Станиславом Юрьевичем, что «литература в России – это вторая религия». «Пушкин – наше все». Именно Пушкин, хотя Россия щедра на гениев в самых разных сферах человеческой деятельности. Но именно Пушкин стал наиболее полным выражением народного духа. А ведь это даже на бытовом уровне отражается. Наверняка каждый

из вас слышал в детстве от родителей: «А кто за тебя уроки делать будет? Пушкин что ли?».

А уж коли литература – вторая религия, значение книги переоценить нельзя. Скажу крамольную вещь, которую не должен говорить человек верующий. Но литература, может быть, не вторая, а первая религия в России, потому что религий в России немало, а литература одна, хоть и многонациональная. Предательство начинается со слова. Потому надо быть внимательным к словам, они – предтечи поступков.

Литературное поле России – вечное поле битвы за чистоту души, языка, помыслов. И на этом поле битвы нужны опознавательные знаки «свое-чужое», чтобы не принимать чужое за родное, а врага за соратника. Порой цитируем слова, что предают только свои, но если предал, не был своим никогда, просто его принимали за своего! В посвящении на книгу Станислав Юрьевич написал мне, что она создавалась в течение всей его жизни. И действительно: в книге собран огромный документальный материал, который, быть может, и не осилить в полной мере с первого прочтения. Книгу «К предательству таинственная страсть...» надо не просто читать и не просто перечитывать. Она заслуживает того, чтобы стать настольной. Она поможет избежать многих искушений на литературном пути, сохранить верность себе и русской литературе. Поможет в выборе единомышленников, в умении видеть «чужих» по их словам и поступкам.

Бог ссудил Станиславу Юрьевичу Куняеву жизнь насыщенную, полную сражений на литературных полях и полях истории, высекавшую из его души поэта гениальные стихи, которые мы с вами часто цитируем и которые поддерживают наш дух в непростое время. Книга «К предательству таинственная страсть...» – гражданский поступок поэта, если учитывать сильно превосходящие силы либерального противника. На такое мужество способен не каждый поэт, если только он не Станислав Куняев!

Осенью у Станислава Юрьевича юбилей. Здоровья Вам, учитель, и всего самого доброго!